

ЖИЗНЬ и творчество — вечные спутники.

Творчество и жизнь — вечные соперники.

Постоянно вдохновляют они друг друга. Постоянно опровергают. Порой пытаются существовать в гордом одиночестве — тогда возникает самодовольное мешанство, с одной стороны, и «искусство для искусства», с другой. Эта вечная их борьба за престол — плодотворнейший из конфликтов.

Похоже, наши гости из Сухуми — Грузинский драматический театр имени К. Гамсахурдиа (чьи гастроли продолжают на сцене Дворца культуры имени Первой пятилетки) всерьез сзачочены этим конфликтом. Из шести спектаклей, включенных в гастрольный репертуар, два — «На дне» и «Чайка» — как бы составляют несущую конструкцию: на них опирается главное в театре, который уже шесть лет строит главный режиссер Гоги Кавтарадзе. Жизнь он видит через увеличительное стекло искусства.

В чеховской «Чайке» все поверяется служением театру. Внешняя сторона трактовок — прием открытой репетиции. Содержательная сторона — магическое притяжение искусства. Ему подчинены все. Дорн заворожено вслушивается в тайный смысл пьесы Треллева. Шамраев весь начинен бесконечными театральными анекдотами. Сорин, мечтавший стать литератором. Нина Заречная, безоглядно, словно чайка, летевшая навстречу театру, навстречу славе, но «подстреленная» прозой жизни...

Опытные жрецы искусства — Аркадина и Тригорин как-то хитро успевают «и тут, и там»: и живут комфортно, и искусству служат без надути. Значит ли это, что они обрели гармонию? Да — если именовать гармонией обывательское душевное равновесие. Нет — если помнить, что житейские обстоятельства время от времени принуждают волноваться, вспенивая активность. Но лишь на миг и «с холодным носом». Замечательно передают эти коллизии Л. Папуашвили (Аркадина). Женщина

и актриса в натуре ее героини обретают удивительное согласие: они не спорят друг с другом, они сражаются друг за друга. Завидный слав! Похоже, Аркадина получает наслаждение не столько от побед, сколько от битв.

Тригорин из другого теста. В исполнении В. Аргелиани это не боец, но вдохновенный рутинер. И в литературоведстве, и в быту катится по инерции — от повести к рассказу, от рассказа к пьесе, от Аркадиной к рыбной ловле... Порыв к За-

знатоков. Для тех, кто хорошо помнит пьесу. Для тех, кто может оценить неожиданные смещения акцентов, филигранные текстовые перестановки, содержательные паузы, скульптурные мизансцены. Значит ли это, что театр Г. Кавтарадзе элитарен? Это предположение опровергается спектаклем «На дне».

Хрестоматийную пьесу М. Горького режиссер решительно приближает к дням сегодняшним: действие происходит где-то поблизости, на со-

ши друзья собрались в грустную минуту тесным кружком, чтобы выговориться, облегчить душу. Но нет в мире гармонии. Призрак идиллии, покоя и братства возникает лишь на мгновение. И вот уже вскопчили обитатели «дна» и понеслись в хмельном угаре на каких-то обломках автомобиля, заставшего на месте, — как на тройке, и запели — заплясали... Пока не оборвала песню весть о самоубийстве Актера. Жизнь никак не поддается приукрашиванию, прорывается

нетиличная. И актер — нетиличный.

В гастрольном репертуаре у него всего одна роль — «скупой рыцарь» Шейлок в «Венецианском купце» Шекспира. Спектакль поставил покойный ныне Д. Александров, возложив всю тяжесть трудного трагикомического жанра на плечи Кавтарадзе. Актер выдюжил. О, как жадно сверкают очи венецианского купца! Как вкрадчиво и уверенно расхаживает он среди веселой толпы! Он — владыка, ибо богаче всех. И он — изгой, потому что еврей — ростовщик. Шейлок успевает насладиться страданием своих врагов, он переживает час торжества, упоения мстостью. Но тут же сам оказывается бесконечно униженным — словно король Лир, одинокий, раздавленный, осмеянный... Справедливость возторжествовала, но сочувствие наше отдано поверженному Шейлоку. Такова сила мастерства и таланта актера. Такова глубина постижения им жизни и творчества.

Трудно по нескольким спектаклям судить о театре в целом. Это живой творческий организм со своими традициями, пристрастиями, большими достоинствами и отдельными слабостями. Кредо театра формулирует, как мне кажется, одна из последних премьер — ибсеновская «Борьба за престол». Спектакль говорит о неразрывности политики и морали, о том, что только с чистой душой можно претендовать на престол, и о единении, которое делает царя счастливым, а страну — могучей. К пониманию этих простых истин героя спектакля приводит поэт — скальд. Он объясняет королю, что нельзя опираться на слепую веру... И снова жизнь учится у поэзии, опирается на ее мудрость и великодушие.

Жизнь и искусство тесно переплетены в спектаклях театра Гоги Кавтарадзе. Из их борьбы вырастает гармония. Но покоя нет. И кажется порой, что спектакли в этом театре сочиняет юный Треллев — вечно недовольный, вечно ищущий, ненавидящий рутину и рутинеров.

Е. АЛЕКСЕЕВА

НА СЦЕНЕ — ГОСТИ

БОРЬБА ЗА ПРЕСТОЛ

речной — не более чем минутная горячность.

Сцена словно магнитом притягивает всех героев спектакля. С деревянного помоста, накрытого черной тряпкой, прозиснит свое «Люди, львы, орлы и куропатки...» Нина Заречная, а затем ее сменяют Аркадина, Шамраев — каждый хоть рукой должен коснуться сцены. Но и на житейских «подмостках» они продолжают играть: рвут страсти в ключья, закатывают глаза, заламывают руки.

Шаг со сцены в зал или в кулисы — и персонаж обрывает лицедейство, обретает естественность, смеется над самим собой.

По замыслу Г. Кавтарадзе, автор, режиссер и главное действующее лицо здесь — Треллев (Д. Джанани). Он страстно любит театр, поглощен творчеством, избегает фальши как в искусстве, так и в жизни. Театр для него — искателя новых форм, борца с рутинной, работнической и мечтательской обителью гармонии, храм. Драма Треллева в том, что он не способен жить без творчества, но и без жизни, воплощение которой Нина Заречная, — не может.

«Чайка» — спектакль для

временном «дне» общества. Вместо ночлежки — захлмленная мастерская художника. Ее обитатели — бездомная и безработная «богема»: художники, писатели, артисты. Бывшие или несостоявшиеся. Болтуны, бездельники, неудачники. Изгон общества, люди, не пожелавшие содействовать процветанию застойного искусства, презирающие сытое коммерческое «творчество» и ненавидящие ороговевшее официальное. Они не участвуют в жизни. Не хотя бы уже не могут — кто-то спился, кто-то погибает от наркотиков — творить.

Такая трактовка дает дополнительный импульс для и без того современно звучащей пьесы (преьера состоялась два года назад). Люди над бездной, общество на краю, искусство в тупике... Вновь режиссер сталкивает реальность и идеал, грубую жизнь и мечту о прекрасном. Тут, «на дне», страдают и размышляют ничуть не меньше, чем «на поверхности». В финале Сатин, Барон, Настя, Актер и Татарица садятся на край сцены и ведут разговор о жизни, о человеке. Знакомые слова звучат вдруг так просто, так понятно! Словно близкие на-

драмами, трагедиями, смертями.

Герои спектаклей Сухумского театра не обретают гармонии. Но секрет гармонии знают Гоги Кавтарадзе и его актеры. Такой сильной и богатой, соразмерной труппы давно не видели ленинградские подмостки. Здесь есть и юные красавицы, отважно играющие порой дуришек (Л. и Н. Хуриты, Дж. Пакелиани), и мужественные герои, бывающие слабыми и смешными, знающими сомнения, умеющие рыдать и ликовать (Д. Джанани, Н. Бекаури, С. Пачкория, В. Аргелиани), молодые актеры, еще не забывшие мальчишеские повадки, но уже способные быть по-мужски верными и мудрыми, коварными и простодушными (М. Колба, М. Брекашвили, К. Дзадзашия, К. Шарабидзе), и многие другие — всех возрастов и амплуа.

Во главе театра стоит актер. Подобное обстоятельство зачастую бывает не на пользу театру (в нашем городе немало тому примеров), но Гоги Кавтарадзе — редкое и отчаянное исключение. И главные роли играют, как правило, другие актеры. И женат не на актрисе... Короче — фигура